

*Памяти неутомимого и само-
отверженного исследователя
Дальнего Востока, выдающего-
ся путешественника и ученого,
открывшего для мировой науки
неведомые страницы геогра-
фии и этнографии этой обшир-
ной части Советского Союза,
большого друга малых народов
Приморья*

*Владимира Клавдиевича
Арсеньева*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАСЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

И. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В. К. АРСЕНЬЕВА (1872—1930)

С. И. Федин

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА КЛАВДИЕВИЧА АРСЕНЬЕВА

(По материалам из архива Ф. Ф. Аристова
и опубликованным данным)¹

10 сентября 1977 г. исполнилось 105 лет со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева — выдающегося русского советского путешественника, писателя, ученого, заслуги которого в многостороннем изучении Дальнего Востока исключительно велики².

30 лет жизни, со времени переезда на Дальний Восток в 1900 г. и до кончины в 1930 г., В. К. Арсеньев самоотверженно отдал углубленному исследованию Дальнего Востока, в первую очередь Уссурийского края. Дальний Восток Владимир Клавдиевич называл своей «второй родиной»³.

Тщательно собирая ценнейший и разнообразнейший материал во время своих многочисленных экспедиций, часто проходивших в исключительно трудных условиях, и во время одиночных поездок, В. К. Арсеньев написал о Дальнем Востоке свыше 60 работ, в том числе около 10 научно-популярных, вошедших в золотой фонд советской и мировой географической лите-

---

¹ При написании статьи использованы материалы Ф. Ф. Аристова, хранящиеся ныне в ЦГАЛИ СССР, а также в семейном архиве, находящемся у его дочери Т. Ф. Аристовой. Ссылки на семейный архив даются под шифром АФА. (Подробнее об отношениях В. К. Арсеньева и Ф. Ф. Аристова см. в Приложениях к настоящей статье.) Кроме того, привлечены материалы о В. К. Арсеньеве, впервые опубликованные Ф. Ф. Аристовым и Т. Ф. Аристовой. Привлекаются материалы и других авторов.

² Это признавали уже современники В. К. Арсеньева, о чем свидетельствуют многочисленные награды и знаки признания, полученные им. Это в еще большей степени очевидно теперь.

³ Письмо В. К. Арсеньева Н. Е. Михайлову (без даты.— Архив ГЛМ, 4807).
ОФ 1—7).

ратуры. Это всем известные «По Уссурийскому краю» (1921) [12]; «Дерсу Узала» (1923) [3]; «В дебрях Уссурийского края» (1926) [2]; «Сквозь тайгу» (1930) [13]; «В горах Сихотэ-Алиня» (издана посмертно в 1937 г.) [1] и др. В его книгах органически сочетается научно достоверное описание быта и этнопсихологии малых народов Дальнего Востока — нанайцев, орочей, удэгейцев и многих других — с художественным описанием таежной природы (здесь уместно вспомнить, как незаурядным писательским талантом В. К. Арсеньева восхищался А. М. Горький [26, с. 69—70]).

Критика откликнулась на труды В. К. Арсеньева сразу же после их публикации. Так, уже первая крупная его работа, «Китайцы в Уссурийском крае» [8], опубликованная в открытой печати в 1914 г., получила лестную рецензию ученого секретаря Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии В. В. Богданова (напечатана в 1915 г. [22]). Но надо отметить, что широкая читающая публика познакомилась с именем выдающегося ученого только по выходе первых его научно-художественных книг.

В 1924 г. акад. В. Л. Комаров опубликовал заметку о книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» [28].

В 1926 г. в газете «Известия» на книгу «В дебрях Уссурийского края» была опубликована обстоятельная рецензия Ф. Ф. Аристова [19]⁴.

В наше время книги В. К. Арсеньева переведены на многие языки народов нашей страны и языки народов зарубежных стран: болгарский (в 1947, 1950, 1952 и 1968 гг.); венгерский (в 1954, 1956, 1960, 1976 гг.); немецкий (в 1951, 1952, 1954, 1968 гг.); польский (в 1951 и 1960 гг.); румынский (в 1954 и 1959 гг.); словацкий (в 1954 и 1955 гг.); чешский (в 1934, 1952, 1953, 1955, 1959 и 1961 гг.); финский (в 1946 г.); шведский (в 1946 г.).

* * *

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился 29 августа старостиля 1872 г. в Петербурге в семье служащего Николаевской железной дороги, имевшей весьма скромный достаток: его отец был кассиром. Из детских лет Владимиру Клавдиевичу особенно запомнилось, как бабушка заставляла его, пятилетнего мальчика, читать молитвы. «Бывало, хочется спать, а она ставила на колени и заставляла повторять слова молитвы». «Богородица», — говорила старушка. «Богородица», — повторял за ней внук. «Дева, радуйся», — произносила дальше бабушка. «Дева-радуйся», — повторял мальчик, сливая эти два слова в одно.

⁴ Подробнее о ранних откликах на работы В. К. Арсеньева см. в книге Н. Е. Кабанова [27, с. 67—74, 91—94].

Это «деварадуйся» почему-то представлялось ему живым существом в виде скрипки, которое сидело в утолщенном месте спайки двух водопроводных труб. «Благодатная Мария»,— читала старушка. «Благодатная Мария»,— повторял, засыпая, мальчик. «Да ты крестись, татарчонок»,— говорила она в сердцах. «Да ты крестись, татарчонок»,— повторял внук, представляя себе татарчонка в виде черного маленького человечка, спрятавшегося за шкаф (АФА).

С теплым чувством вспоминал Владимир Клавдиевич рассказы и стихи, которые читала детям мать, занятия отца с детьми. В памяти Владимира Клавдиевича особенно четко сохранилось одно стихотворение. В нем рассказывалось о том, как уставшее солнце, решив заснуть, попросило месяц зажечь фонарь и ночью обойти весь край земной. «Кто там молится, кто плачет, кто мешает людям спать, Поутру приди и дай мне знать»,— говорило солнце (АФА). «Как сейчас вижу маленькую комнату,— писал Владимир Клавдиевич.— Мать сидит на диване. Я сижу у нее на коленях, а старший брат Анатолий стоит сзади, обняв мать за шею и прижавшись своей щекой к ее лицу. Я слушаю сказку и смотрю в окно на бледный лик месяца и представляю его себе как бы живым, одухотворенным существом, которое окарауливает порядок на земле, пока солнце отдыхает. Я решаю не шалить, не плакать и не мешать людям спать» (АФА).

Шестилетним мальчиком Володя Арсеньев с огромным любопытством слушал, например, рассказы отца о шедшей тогда русско-турецкой войне (1877—1878), другие его рассказы о событиях в мире, о незнакомых странах, занимался с ним предметами, которые предстояло изучать в гимназии.

Уже в раннем детстве Володю Арсеньева отличали неисчерпаемые любознательность, живое воображение, любовь к растительному и животному миру, интерес к истории, географии; уже тогда начинали формироваться характер и склонности будущего путешественника. Отец В. К. Арсеньева, Клавдий Федорович, собрал хорошую библиотеку. Он уделял очень много внимания образованию и воспитанию своих детей (семья была большой: четыре сына, пять дочерей и приемная дочь). В то время, например, когда Владимиру Клавдиевичу было 10—12 лет, его «отец увлекался выпиливанием по дереву. У него были маленькие пилки и особый станочек, привинчиваемый к столу. Тогда это было модное занятие. Всюду продавались особые чертежи разных чернильниц, рамок, шкатулочек, портсигаров и проч. Вечером, после обеда и короткого сна, отец садился за выпиливание и заставлял сыновей по очереди ему читать вслух, при этом вставлял свои замечания и делал мальчикам ряд пояснений» (АФА).

«Канун Нового года,— читаем мы в „Воспоминаниях“ В. К. Арсеньева,— был особенно интересен. В этот вечер всег-

да варился традиционный шоколад. Отец садился на диван, ставил около себя лампу с бумажным абажуром и читал какой-нибудь страшный рождественский рассказ — „Вий“ [Гоголя], сказки [Данилевского], „Скрудж и Марлей“ [Диккенса]. В полночь он делал всем домочадцам мелкие подарки, потом пили шоколад. Когда сестры ложились в кровать, то старались поскорее закрыться с головой, чтобы не видеть страхов, заимствованных из сказок». Володе же страстно хотелось «лично посмотреть местечко Диканьку на Украине, цветение папоротника в ночь на Ивана Купала и Лондон таким, каким его описывал талантливый Чарльз Диккенс» (АФА).

Лето 1882 г. Володя Арсеньев (ему было 12 лет) провел в селении Саблино, под Петербургом, у своего дяди (брата матери) Иоиля Егоровича Кашлачева, которого он очень любил. И. Е. Кашлачев, оказавший огромное влияние на развитие мальчика, объяснял своим детям и племяннику явления природы; очень часто и подолгу рассказывал им об особенностях деревьев, цветов, грибов; учил узнавать птиц по полету, крику; пел старинные русские песни, поясняя при этом историю песни и ее сюжета, и т. д. [18, с. 213]. На всю жизнь сохранил Владимир Клавдиевич чувство благодарности к этому человеку, научившему его любить и понимать природу. «Если отец дал мне географическую канву, — писал он, — то брат матери И. Е. Кашлачев, страстный любитель природы, указал, как по ней надо вышивать узоры» [20, с. 140].

К пребыванию Владимира Клавдиевича в Саблине относится также его знакомство с человеком по имени Мольтино. В. К. Арсеньев вспоминал большой деревянный двухэтажный дом, в котором он тогда жил, и жившего в этом же доме Мольтино, про которого говорили, что он умеет приручать животных и птиц. Сам Володя Арсеньев видел однажды, как в лесу, начинавшемся сразу же за домом, к Мольтино прилетели две вороны, явившиеся на его зов. Одна села на плечо, а другая — на руку Мольтино. У того же Мольтино был аквариум с золотыми рыбками, которые подплывали к тому краю аквариума, к которому приближался хозяин. Все это казалось маленькому Арсеньеву до такой степени чудесным, что он тогда решил «тоже сделаться таким же дрессировщиком птиц и рыбок, как и гр[аждаин] Мольтино» (АФА).

В реальном училище В. К. Арсеньев увлекался теми предметами, интерес к изучению которых пробудил у него еще в раннем детстве отец: русский язык, география, геометрия, история, рисование, чистописание. Но в целом занимался он неровно [29, с. 17—18]. Мальчик увлекался произведениями Жюль Верна, Майн Рида, Густава Эмара, Луи Жаколио, Луи Буссенара, начал читать о путешествиях известных русских ученых и исследователей [18, с. 211; 27, с. 8].

В 13—14 лет Володя Арсеньев вместе со своими кузенами

Кашлачевыми любил совершать по реке Тосно путешествия на лодке, которыми первоначально руководил его дядя; иногда в таких плаваниях принимали участие его брат Клавдий и кто-либо из приятелей. Юные путешественники ночевали в лесу, охотились на лесных зверей. «Первый раз в жизни,— вспоминал позже В. К. Арсеньев,— я почувствовал, что иду на серьезное дело — на охоту на волка» (АФА).

Сильное впечатление произвело на В. К. Арсеньева посещение в детстве Кунсткамеры — Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук, о чем он не раз рассказывал своим друзьям [27, с. 8].

Живой интерес к географии стал проявляться у В. К. Арсеньева уже с 12 лет. Этому способствовали не только занятия отца с детьми этой дисциплиной, но и самостоятельное чтение географической литературы (в том числе различных географических календарей и атласов), перешедшее затем в крайнее увлечение, а главное — жажда совершить собственные путешествия и сделать собственные открытия.

В возрасте 12—14 лет Володя Арсеньев очень подружился с Володей Хлопониним. Мальчики были ровесники и жили в одном доме. Однажды Володя Хлопонин принес какой-то старый сибирский календарь. Этот календарь явился для обоих мальчиков, несмотря на различие их склонностей и увлечений, «своего рода библией, из которой они черпали кое-какие знания о стране интресной и известной в географии под названием Сибирь» (АФА).

Окончив Владимирское четырехклассное городское училище, Владимир Клавдиевич некоторое время (1885—1886?) учился в Пятой Санкт-Петербургской гимназии, но не закончил ее [29, с. 18].

В 15—17 лет будущий путешественник, ученый и писатель усиленно занимается своим образованием, повторяя курс русской грамматики, математики, иностранного языка. Еще больше, чем прежде, В. К. Арсеньев читает географическую литературу и даже приходит к *изучению* научных сочинений по географии: его внимание привлекли труды Элизе Реклю, описание путешествий Чарльза Дарвина; он увлеченно штудирует книги о путешествиях Г. И. Потанина, В. И. Роборовского; особенно пристально изучает он труды великого русского путешественника и исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. Именно они оказали огромное влияние на формирование научных интересов Владимира Клавдиевича [18, с. 216].

Как сообщает Н. Е. Кабанов, один из первых биографов В. К. Арсеньева, лично знавший его и участвовавший в его экспедициях 1927 г., в конце 1891 г. В. К. Арсеньев сдал экстерном экзамены за среднее учебное заведение, а в следующем году был зачислен вольноопределяющимся в 145-й Новочеркасский полк и командирован в Петербургское юнкерское пехотное

В. К. Арсеньев (в военной форме, слева) с группой участников одного из своих походов

училище [27, с. 11]. В нем он обучался за свой счет, что давало право по окончании уволиться в запас. Университет для Арсеньева был закрыт, потому что в его время в университете мог учиться только окончивший классическую гимназию. Владимир Клавдиевич мог, однако, поступить учиться в какое-нибудь специальное высшее учебное заведение. «Из меня,— писал он,— может быть, вышел бы недурной (а может быть, и плохой) инженер-технолог, гражданский инженер-строитель, инженер-электротехник, инженер-путеец и т. д. Я меньше всего имел склонность к технике. У отца было желание сделать меня корабельным инженером. Если бы его мечты осуществились, я всю жизнь томился бы на каком-нибудь судостроительном заводе в обстановке совсем непривлекательной» [5, с. 6].

Юнкерское училище, как пишет Н. Е. Кабанов, «привило ему (Арсеньеву.— С. Ф.) дисциплину, порядок и быстрое и аккуратное исполнение поручений и заданий» [27, с. 11]. Среди преподавателей училища были крупные специалисты, давшие В. К. Арсеньеву глубокие знания в целом ряде наук. Особенно важную роль в его судьбе сыграл исследователь Средней и Центральной Азии М. Е. Грум-Гржимайло, брат знаменитого путешественника и исследователя этих районов планеты

Г. Е. Грум-Гржимайло. Это он обратил внимание молодого Арсеньева «на Дальний Восток и Сибирь, тогда еще страну мало населенную и еще менее изученную» [20, с. 140]. «Двухлетнее пребывание в военном училище приучило меня все делать скоро и хорошо,— писал Арсеньев,— я привык вставать с кровати тотчас, как просыпался, научился ценить время и расходовать его по расписанию, довольствоваться малым, обходиться без посторонней помощи, проявлять инициативу, не опаздывать на работу» (АФА). Вполне очевидно, что все эти качества, отточенные пребыванием в военном училище, оказали огромное влияние на дальнейшую деятельность замечательного ученого и неутомимого путешественника.

По окончании в 1896 г. училища В. К. Арсеньев был направлен в Польшу, в г. Ломжу, для прохождения военной службы, поскольку согласно приказу военного министра «своекоштные» юнкера переводились в «казеннокоштные» и были обязаны отслужить в армии. Об этом периоде жизни Владимир Клавдиевич вспоминал, что «офицерская жизнь, описанная Куприным в его повести „Поединок“, вполне соответствовала действительности. Молодых людей, попавших в казарменную обстановку, нельзя было особенно и винить... Образовательный ценз офицерства был невысок, жизнь в казармах бессодержательна, занятия шагистикой и муштровкой солдат — неинтересными» (АФА). Однако в Ломже в скором времени Владимир Клавдиевич познакомился с братьями Техменевыми и семьей Бумаркиных и подружился с ними. В доме Бумаркиных и у Техменевых проводил он все свободное время за чтением. Таким образом, и в Польше он продолжает изучать литературу о Дальнем Востоке, штудирует общезнаниелогические работы — русские и переводные [27, с. 11; 29, с. 30—33].

Позднее В. К. Арсеньев упрекал себя в том, что по окончании военного училища не сразу начал хлопоты о переводе на Дальний Восток. «Правда, три года службы в Царстве Польском,— писал он,— не совсем пропали даром: я присмотрелся к армейской жизни, разочаровался в военной службе и весь свой досуг посвятил книгам, которые просветили мой ум и научили меня уважать не форму на человеке, а человека, независимо от того, как он одет и из какого сословия он происходит. Я стал приобретать друзей среди гражданского населения и многих из них по сие время вспоминаю с большим удовольствием и уважением» [5, с. 6]. В. К. Арсеньева уговаривали продолжить военную карьеру, пойти в Академию Генерального штаба. Однако штабная карьера не прельщала его, и он предпочел остаться кадровым офицером. В дальнейшем военная служба дала ему ряд преимуществ, в частности, при организации экспедиций. Кроме людей, как писал В. К. Арсеньев, он «получал лошадей, седла, вооружение, походное и бивачное снаряжение, обувь, одежду, карты, инструменты, продовольствие, медика-

менты, денежные средства, бесплатные проезды по железной дороге и на военных судах по побережью моря. Ни одно ведомство не могло бы так хорошо меня снарядить, как военное» [5, с. 6]. Но это в дальнейшем.

Вместо Генерального штаба, куда на службу его хотели устроить друзья, Владимир Клавдиевич выбрал охотничью команду в одной из воинских частей, расположенных в Уссурийском крае.

С очень большими трудностями В. К. Арсеньев добился перевода в 8-й Восточно-Сибирский линейный батальон, квартировавший во Владивостоке, куда и прибыл после долгого пути в августе 1900 г.⁵ Железная дорога тогда доходила до Байкала, а дальше надо было ехать на лошадях по Забайкалью и далее — по Амуру до Хабаровска, откуда до Владивостока уже была выстроена Уссурийская железная дорога, шедшая через хребет Хехцир. Уссурийский край был в значительной степени изолирован от культурных центров России, население его размещалось только по долине Уссури и в южной части: около Посыета, Владивостока, Никольска-Уссурийского, оз. Ханка, селения Шкотово, по долине Сучана и по побережью моря до залива Ольги. Центральная же часть горной области Сихотэ-Алиня представляла собой страну неведомую и неизвестную (АФА).

Во Владивостоке В. К. Арсеньев поселился на восточной окраине города в небольшом деревянном домике, каких было большинство в тогдашнем Владивостоке. В то время, как вспоминал В. К. Арсеньев, Владивосток был небольшим городом с немощеными улицами и большей частью с деревянными тротуарами. В районе Гнилого Угла (юго-восточная часть города) было болото, а за ним начинался лес, в котором водилось много пятнистых оленей и диких косуль (АФА). Очень сильное впечатление произвел на В. К. Арсеньева тайфун, надвинувшийся на Владивосток из Южно-Китайского моря через Корею 7 августа старого стиля 1900 г.: «Ветер быстро менял свое направление и дул со страшной силой. Он ломал деревья, срывал крыши с домов... К вечеру хлынул сильнейший ливень. Жутко было сидеть даже в доме, который при каждом порыве вздрагивал до основания и, казалось, вот-вот опрокинется совсем» (АФА).

Знакомство с краем В. К. Арсеньев начал с ближайших окрестностей города, но вскоре перешел к более дальним по-

---

⁵ Сохранившиеся документы по-разному датируют время прибытия В. К. Арсеньева на Дальний Восток. По одним документам, это август 1900 г., а по другим — 1899 г. Например, в письме к А. М. Иванову от 20 июля 1910 г. В. К. Арсеньев отмечал, что «одинадцать лет пребывания на Дальнем Востоке... значительно просветили» его. — ЦГАЛИ, ф. 1014, оп. 1, ед. хр. 24.

ходам — от бухты Тихой до бухты Фельдгаузена и в конце концов стал исследовать глухие таежные уссурийские дебри. Нужно было не только изучать географию, топографию, топонимику, флору и фауну края, охотоведение, но и постоянно закалять себя физически: условия путешествий были очень сложны. Особенно Владимира Клавдиевича прельщали тогда самые отдаленные районы хребта Богатая Грива, изобиловавшие диким зверем. Такие поездки В. К. Арсеньев смог осуществлять лишь с 1902 г., когда возглавил конно-охотничью команду во Владивостоке. «Служба в конно-охотничьей команде, — вспоминал В. К. Арсеньев, — была живая, увлекательная. Длительные экскурсии, ночевка под открытым небом, джигитовка на лошадях, охота на зверя, изучение дорог и троп, восхождение на скалы, спуск по веревкам с обрывов, плавание и прохождение курса стрельбы — все это развивало инициативу» (АФА).

Во Владивостоке В. К. Арсеньев знакомится с интересными людьми. Значительное влияние на его деятельность оказали уссурийский лесничий — ботаник и краевед Н. А. Пальчевский, врач и этнограф, подвижник науки Н. В. Кирилов, председатель Общества изучения Амурского края (ныне Приморский филиал Географического общества СССР) Н. М. Соловьев, исследователи Дальнего Востока В. П. Маргаритов и Н. В. Слюнин [18, с. 219; 27, с. 13].

В походах В. К. Арсеньев проявлял исключительную выносливость, мужество, волю; образ его жизни был самый неприятный. Он писал о себе, что обычно «спал просто на земле под открытым небом, не замечая дождя в течение всего дня, мог довольствоваться сухой коркой черного хлеба, вместо кружки пользовался раковинной, поднятой на берегу моря» (АФА). Во время экспедиций и походов он в первую очередь заботился об их участниках, о лошадях и собаках, которых брали с собой, и только потом о себе. В. К. Арсеньева никогда, ни при каких обстоятельствах не смущали и не останавливали, как он сам отмечал, «ни расстояния, ни непогода, ни недостаток продовольствия» (АФА).

Во время путешествий В. К. Арсеньев постоянно общался с нанайцами, орочами, удэгейцами и другими малыми народами Дальнего Востока. Тщательно и с большой любовью изучал он их жизнь, быт, национальный характер и становился все более известным среди них, вызывая ответную любовь к себе и привязанность и приобретая множество друзей. Один из них, нанец (или, как тогда говорили, гольд) Дерсу Узала, сыграл особенно большую роль в экспедициях В. К. Арсеньева и благодаря научным работам Владимира Клавдиевича вошел в мировую науку и географическую литературу.

Как это ни странно, еще при жизни В. К. Арсеньева существовала легенда, о которой М. К. Азадовский сказал следую-

щее: «Не раз приходилось слышать о великом счастье, „привалившем“ Арсеньеву в виде встречи с Дерсу, что без этой встречи Арсеньев никогда бы не мог благополучно довершить своих экспедиций и что вообще без помощи орочей и удехейцев он бы очень скоро погиб. В такого рода утверждениях, как и вообще во всяких рассказах об „удачах“ и „случайном счастье“ выдающихся деятелей, всегда слишком много преувеличений...

Нужно быть Арсеньевым, чтобы сразу понять, оценить и глубоко полюбить такого человека, как Дерсу, нужно быть Арсеньевым, чтоб завоевать любовь и преклонение всех этих обездоленных людей» [16, с. 22].

Поскольку в последнее время первая встреча с Дерсу Узала датируется учеными не 1902 г., как это считалось ранее, остановимся на этом подробнее.

Из дневниковых записей В. К. Арсеньева, хранящихся в архиве Приморского филиала Географического общества СССР, следует, что первая его встреча с Дерсу Узала произошла 3 августа 1906 г. Теперь эти дневниковые записи опубликованы [6].

Сам В. К. Арсеньев, однако, в предисловии к своей первой книге о Дерсу писал: «Ввиду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 г. по рекам Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедициям 1906 и 1907 гг.» [2, с. III]. Из текста книги «По Уссурийскому краю» также следует, что встреча с Дерсу произошла в 1902 г., а затем повторилась в 1907 г. [12; 2, с. 13, 21—22, 59, 172, 319], причем текст не исключает возможности их встреч и в год (или годы), предшествовавший 1907 г.

Вслед за В. К. Арсеньевым эту дату признают и повторяют три биографа В. К. Арсеньева, лично его знавшие: Ф. Ф. Аристов, Н. Е. Кабанов, М. К. Азадовский. Вот что пишет первый из них: «В 1902 г. В. К. Арсеньев в истоках реки Лефу встретился с гольдом Дерсу из рода Узала и совершил с ним маршрут до озера Ханка. Во время этой экспедиции В. К. Арсеньев заблудился в болотах и едва не погиб во время пурги, если бы не находчивость Дерсу... Вторая встреча с Дерсу произошла в 1906 г. на реке Тадушу, к северу от залива Ольги» [18, с. 222]. По этому же поводу Н. Е. Кабанов писал: «В 1902 году в истоках р. Лефу произошла встреча В. К. Арсеньева с гольдом Дерсу Узала, сыгравшая исключительно крупную роль в осуществлении почти всех последующих экспедиций Арсеньева» [27, с. 14]. Наконец, третий биограф Арсеньева, М. К. Азадовский, писал: «Из всех экспедиций по Уссурийскому краю самыми популярными и наиболее известными являются его экспедиции 1902—1907 гг. Причины эти вполне понятны: эти экспедиции связаны с именем Дерсу Узала» [16, с. 23].

Между тем в дневниковой записи Владимира Клавдиеви-

ча, в тетради № 3 от 3 августа 1906 г. (публикация Л. И. и Ю. А. Сем), действительно рассказывается о том, как вечером этого дня к костру подошел гольд, назвавший себя Дерсу Узала [6, № 8, с. 138—139]. В предисловии к публикации Л. И. и Ю. А. Сем сообщали: «Тетрадь № 3, в отличие от двух первых, начинается с дневниковых записей, которые охватывают период немногим более полугода, т. е. с 9 июля по 17 октября 1906 года... В этой же тетради помещено воспоминание В. К. Арсеньева о совместной охоте с Дерсу Узала в 1902 году близ озера Ханка в низовьях реки Лефу, которая для Арсеньева чуть не стала роковой (с. 48—56)» [33, с. 129—130].

Вероятно, последняя запись — столько же воспоминание о реальных событиях, сколько и часть задуманного тогда научно-художественного труда, для которого не нужно было менять факты, но потребовалось сдвинуть хронологию. Свидетельства в пользу этого предположения весьма убедительны⁶.

После 1905 г. В. К. Арсеньев обращается к изучению северных районов Приморья — от хребта Сихотэ-Алинь до Японского моря. Его путешествия 1906—1910 годов стали всемирно известными. Владимир Клавдиевич предпринял три сложнейшие экспедиции в Сихотэ-Алинь. Первая экспедиция (1906 г.) проводилась В. К. Арсеньевым в южной части Сихотэ-Алиня. В. К. Арсеньев девять раз пересекал его водораздел. Во время второй экспедиции (1907 г.) в центральной части Сихотэ-Алиня В. К. Арсеньев четыре раза пересекал главный водораздел. Третья экспедиция, начатая в 1908 г., осуществилась с северной части Сихотэ-Алиня.

Об этих экспедициях в письме к А. М. Иванову от 20 июля 1910 г. Владимир Клавдиевич сообщал следующее: «Первое мое путешествие длилось 180 дней, второе — 210 суток и последнее, третье — 19 месяцев. По моим расчетам во время последней экспедиции на дневки ушло 4 месяца и 6 дней, а на чистые маршруты — 14 месяцев и 24 дня. 4 раза я погибал с голода. Один раз съели кожу, другой раз набивали желудок морской капустой, ели ракушки. Последняя голодовка была самой ужасной. Она длилась 21 день. Вы помните мою любимую собаку Альпу — я ее съел в припадке голода, и этим мы спаслись от смерти. Три раза я тонул, дважды подвергался нападению диких зверей (тигр и медведь). Глубокие снега едва не погубили весь отряд. Страшно истомленные мы вышли к Амуру в 1910 году. Подряд 76 дней мы шли на лыжах и тащили за собой нарты... Теперь я закончил свои путешествия. Стану делиться с людьми виденным»⁷.

⁶ См. настоящую книгу, с. 7—8.

⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 24; см. также письмо В. К. Арсеньева к Н. Е. Михайлову от 9 июля 1928 г. — Архив ГЛМ, ОФ $\frac{4807}{1-7}$.

Важной особенностью этого периода деятельности Владимира Клавдиевича является теснейший контакт с научными учреждениями Петербурга и Москвы, с видными географами и этнографами. Особенно большое значение для В. К. Арсеньева имела его постоянная связь с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук в Петербурге и его сотрудником, а впоследствии и директором Л. Я. Штернбергом. Последний оказал большое содействие, посылая необходимую литературу, давая практические и методические советы. Это был дружеский союз больших ученых⁸. В. К. Арсеньев регулярно отправлял в МАЭ часть собранных им коллекций⁹, а позднее, в 1926 г., когда возник вопрос о его временном переезде в Ленинград, был избран «научным сотрудником первого разряда».

В. К. Арсеньев стремился к тому, чтобы познакомить широкую общественность с добытыми им в экспедициях сведениями по географии, археологии, этнографии, ботанике, зоологии, геологии Дальневосточного края. С этой целью в 1910—1911 гг. Владимир Клавдиевич Арсеньев едет в Петербург на Общероссийскую этнографическую выставку, организованную в отделе этнографии Русского музея, куда он представил свои коллекции, а затем — в Москву. Его лекции об исследовательской работе, проделанной им в Восточной Сибири, делают его имя все более известным. В. К. Арсеньев обращает на себя серьезное внимание многих ученых: в Петербурге это — П. К. Козлов, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. К. Зеленин, Д. А. Клеменц, Ю. М. Шокальский; в Москве — Д. Н. Анучин, В. В. Богданов, А. А. Борзов и др. С помощью этих ученых, а также Л. Я. Штернберга, С. А. Бутурлина, Л. С. Берга, И. В. Палибина и некоторых других В. К. Арсеньев по возвращении в 1910 г. в Хабаровск приступил к обработке собранных им материалов. Обобщающим трудом В. К. Арсеньева о его экспедициях явился опубликованный в 1911 г. «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» — чрезвычайно ценное научное исследование, в котором не только систематизирован конкретный материал, но и сделаны важные теоретические выводы [9].

⁸ Материал о связях В. К. Арсеньева с МАЭ и Л. Я. Штернбергом содержится в опубликованных М. К. Азадовским письмах В. К. Арсеньева Л. Я. Штернбергу [4, с. 215—231] и его предисловии к этой публикации [16], в публикуемых А. И. Тарасовой в настоящей книге письмах Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву (см. с. 57—80), а также в статье Б. П. Полевого и А. М. Решетова [31]. Отметим здесь лишь, что в статье Полевого и Решетова Л. Я. Штернберг подан как «столичный учитель», а В. К. Арсеньев — как «провинциальный ученик». В статье методически неправомерно использованы некоторые частные письма и отдельные высказывания, что ведет к искажению отношений между двумя учеными и что уже было отмечено М. В. Воробьевым [24] (подробнее см. Приложение 2 к настоящей статье).

⁹ О коллекциях В. К. Арсеньева, представленных в МАЭ, см. в статьях В. В. Антроповой и Ч. М. Таксами [17] и Т. В. Станюкович [34].

Очередная экспедиция В. К. Арсеньева в горы Сихотэ-Алиня в 1911 и 1912 гг. открыла ученому новые просторы для исследований, особенно памятников старины Уссурийского края. В 1913 г. В. К. Арсеньев принимает в Хабаровском музее Фритьофа Нансена, который назвал его «знатоком этих краев» [30, с. 338].

В 1918 г. неутомимый путешественник отправляется на Камчатку. Во время этой экспедиции в селе Верхне-Камчатском он нашел следы старого русского острога (бывшую резиденцию открывателя Камчатки Владимира Атласова) и водрузил памятный столб. В селе Камаки он осмотрел места древних камчадалских поселений, описанные С. Г. Крашенинниковым еще в 1728—1729 гг. На Камчатке В. К. Арсеньев познакомился с А. И. Рублевым — участником многих экспедиций Н. М. Пржевальского, рассказавшим Владимиру Клавдиевичу много интересного о крае и прошлых путешествиях.

Все увиденное и услышанное во время экспедиций В. К. Арсеньев тщательно записывал, аккуратно систематизировал. Собранные коллекции он бережно передавал, как уже говорилось, в Хабаровский краеведческий музей, в МАЭ имени Петра Великого, в этнографический отдел Русского музея в Петербурге-Петрограде, в Румянцевский музей в Москве, в Музей Казанского государственного университета. В. К. Арсеньева за его выдающуюся исследовательскую и собирательскую деятельность Комитет Общероссийской этнографической выставки 1913 г. удостоил Большой серебряной медали; Русское географическое общество — Малой серебряной медали, а позднее — премией им. М. И. Венюкова; Главный комитет выставки Примурского края наградил Большой золотой медалью; а Главный комитет Первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве в 1923 г. — Дипломом первой степени. За успешное проведение экспедиций, а также за военную службу он имел несколько орденов и медалей, полученных им еще до 1917 г. [27, с. 71—72].

Строго подчинив свою деятельность сбору фактического материала по всем сторонам жизни Дальневосточного края, В. К. Арсеньев среди многих проблем имел возможность с особым тщанием изучать историческую этнографию, а также современные культуру и быт малых народов Дальнего Востока, в первую очередь Приморья. В его значительном неопубликованном наследии этнограф может почерпнуть ценнейший материал о хозяйстве и материальной культуре, семейном и общественном быте, о средствах передвижения, о религиозных верованиях как коренного населения края, так и пришлых народов (китайцы, корейцы, японцы и другие). Например, в ходе нескольких экспедиций Владимир Клавдиевич среди прочих задач изучал местных таежных жителей — орочей, о расселении и исторической этнографии которых он оставил подробные записи,

в значительной мере дополняющие и исправляющие материалы С. Н. Браиловского, опубликованные им в 1901 г. в статье «Тазы, или Удихэ» в журнале «Живая старина» (вып. 2—4). В частности, В. К. Арсеньев показал, что первоначальным местом обитания орочей являлась р. Хади, откуда они расселились далее, преимущественно на юг. Изучение орочей было продолжено младшим товарищем В. К. Арсеньева этнографом И. А. Лопатыным. Этнографическому исследованию малых народов была посвящена также написанная им совместно с Е. И. Титовым работа «Быт и характер народностей Дальневосточного края», опубликованная в Хабаровске в 1928 г.

Что касается неаборигенных народов, в частности китайцев, то и им путешественник-ученый также посвятил специальные труды [7 — предварительная публикация; 8 — полный текст]; материал о китайцах есть также в «Кратком... очерке Уссурийского края» [9]. Работу В. К. Арсеньева о китайцах в 1918 г. РГО отметило премией им. М. И. Венюкова (кстати, В. К. Арсеньев — единственный лауреат этой премии).

Главным трудом Владимира Клавдиевича в этнографии, равным подвигу Миклухо-Маклая, рисковавшего жизнью во имя изучения папуасов и распространения знаний о них, было изучение удэгейцев, которым В. К. Арсеньев посвятил 25 лет неустанных путешествий и исследований. Он изучил язык удэгейцев, располжение и хозяйственную деятельность удэгейских стейбищ, семейные и общественные отношения, религиозные верования; он вел подробнейшие записи их эпоса, сказок, преданий и т. д. Его заветной мечтой было опубликовать фундаментальный труд «Страна Удэхе», который явился бы результатом многолетнего изучения этого народа. Об этой своей мечте Владимир Клавдиевич писал и говорил многим своим корреспондентам — профессору Н. В. Кюннеру в 1928 г. [32, с. 175—178]; Л. Я. Штернбергу [4, с. 215 и сл.]; Ф. Ф. Аристову (письмо от 27 июня 1930 г.)¹⁰ и другим. Правда, небольшая работа об удэгейцах была им опубликована [10], но рукопись большой монографии «Страна Удэхе» света не увидела и, по всей вероятности, ныне не сохранилась¹¹.

Уже первые публикации В. К. Арсеньева о народах Дальнего Востока России встретили положительные отзывы видных этнографов и географов. Так, В. В. Богданов писал: «Характерной особенностью материалов и заметок В. К. Арсеньева надо признать их проникновение в такие детали быта и с таким наглядным воспроизведением, которые доступны только очень внимательному и вдумчивому исследователю» [22, с. 153].

¹⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 8.

¹¹ Об истории подготовки этой рукописи, сохранившихся ее фрагментах, которые, по всей вероятности, должны были составить часть задуманной капитальной монографии, см. статью В. Г. Пузырева [32, с. 122—129] (особенно с. 129).

Труды В. К. Арсеньева стали необходимым пособием для всех этнографов-сибиреведов, потому что этнографических работ было мало и порой этнографией занимались люди, не имевшие никакого отношения к этой науке. Так, этнограф и лингвист Е. И. Титов писал В. К. Арсеньеву в письме от 10 февраля 1927 г.: «За этнографию берется кто угодно, ее поручают лицам случайным, не видя в том особой беды. Вы не должны удивляться тому, что Ваша смелая и прекрасная работа для нас, начинающих, является путеводным знаком и одобрением» (АФА).

С победой Великой Октябрьской революции В. К. Арсеньев получает широкую возможность осуществлять свои научные замыслы, в том числе и этнографические, и проводить необходимую практическую работу для строительства социалистического Дальнего Востока как в области народного хозяйства, так и в сфере культуры. В 20-х годах, когда только начиналось проведение ряда дальневосточных железных дорог и создание населенных пунктов на путях, впервые проложенных В. К. Арсеньевым, особенно остро ощущалась нужда в специалистах, хорошо знающих край. Единственный в своем роде знаток Дальнего Востока, он охотно, с полной отдачей сил и знаний выполнял самые различные задания советских учреждений, связанные с хозяйственным и культурным строительством.

Его деятельность в 1922—1930 гг. необыкновенно активна и инициативна. Назовем здесь лишь несколько основных его экспедиций. Владимир Клавдиевич выполняет весьма ответственные задания. Он обследует Гижигинский район, выезжает на Командорские острова и совершает восхождение на Авачинскую сопку, принимает деятельное участие в дальневосточной экспедиции Наркомзема, сменившей следуюющей, очень трудной экспедицией по маршруту Советская Гавань—Хабаровск. Об этой экспедиции В. К. Арсеньев писал 22 декабря 1927 г. Н. Е. Михайлову: «Маршрут от Советской Гавани (бывшей Императорской) до г. Хабаровска я совершил в 116 суток. На этом пути я перешел пять больших горных хребтов и выдолбил девять лодок. На моем пути нигде людей не было. Это путешествие совершено при весьма неблагоприятных обстоятельствах: лето было весьма дождливое. Ненастные дни составляют 61,3%. Один раз неожиданно на нас выбежал тигр...»

(Архив ГЛМ, ОФ $\frac{4807}{1-7}$). Описана экспедиция в книге «Сквозь тайгу» [13] и т. д. Среди важнейших задач, порученных этим экспедициям, было обследование таежных пространств и выяснение их доступности и пригодности для заселения, а также нахождение более низких перевалов через хребты, в том числе через Сихотэ-Алинь. Задания, которые поручались В. К. Арсеньеву, носили преимущественно географический и экономический характер, их приходилось осуществлять в очень тяжелых

условиях. Но все же экспедиции были успешными, потому что возглавлявший их человек был воодушевлен идеями служения науке и Родине и обладал обширными познаниями. В этих экспедициях Владимир Клавдиевич продолжал пристально изучать этнографию края.

В. К. Арсеньев — не только выдающийся путешественник, но и талантливый педагог, блестящий популяризатор науки, неутомимый музейный работник. В 1917 г. он начал преподавательскую деятельность в Хабаровском народном университете, с 1919 г. — во Владивостокском учительском институте, через год преобразованном в Дальневосточный государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского, а в 1921 г. был избран профессором этого института по кафедре географии и этнографии. В 1927 г. В. К. Арсеньев получил звание профессора Дальневосточного государственного университета.

В 1917—1929 гг. В. К. Арсеньев читал лекции по истории первобытной культуры, археологии, антропологии, этнографии, географии Дальнего Востока в самых различных организациях и учебных заведениях. В неопубликованных материалах В. К. Арсеньева, находящихся в архиве Ф. Ф. Аристова, содержится перечень более двадцати учреждений, где он читал лекции. Это Дальневосточный государственный университет, Дальневосточный краеведческий научно-исследовательский институт, Владивостокский отдел Русского географического общества, Владивостокское отделение Общества туристов, Владивостокское отделение Осоавиахима, Общество юных краеведов при Владивостокском географическом обществе и пр.

В 1921—1926 гг. В. К. Арсеньев возглавлял краеведческую и музейную работу в крае: был директором Общества изучения Амурского края во Владивостоке, директором Хабаровского музея и т. д. Владимир Клавдиевич, по сути, явился первым организатором музейного дела на Дальнем Востоке. Умело сочетая музейно-лекторскую работу с экспедиционной, он все более и более углублял этнографические и географические исследования. В. К. Арсеньев сумел воспитать множество учеников и последователей.

Владимир Клавдиевич всегда проявлял особую заботу о коренном населении, нужды которого находились постоянно в поле его зрения, и среди этого населения снискал огромное уважение и любовь. Биографы В. К. Арсеньева единодушно приводят многочисленные примеры, показывающие глубокую и искреннюю любовь его к аборигенам края и его постоянную готовность оказать помощь. Так, избранный в 1917 г. на должность комиссара по делам инородцев Приамурского края, В. К. Арсеньев поставил задачу скорейшего выявления жизненных нужд и оказания помощи¹² орочам, удэгейцам и другим

¹² Подробнее об этом см. две докладные записки В. К. Арсеньева Временному правительству, публикуемые в настоящей книге (с. 50 и сл.).

народам. А представители этих народов неоднократно обращались к В. К. Арсеньеву со своими нуждами. Известен случай, когда два ороча, Намука и Хутунка, отправились к Владимиру Клавдиевичу в Хабаровск, за 700 км от своих селений на реках Тумнин и Копь, у Советской Гавани, потратив на труднейший путь два месяца [5; 20, с. 141].

В письме, датированном 26 февраля 1926 г., орочи с Тумнина и Копи писали ему: «Мы всегда были благодарны Вам и... по первому Вашему зову пойдем, куда Вы прикажете. Только Вы один человек, который... всегда помогал и учил хорошему... Мы с большой радостью примем от Вас помощь... Жизнь наша незавидная... потому что неразвиты и нет человека, который мог бы нас учить... нам нет места, где бы можно было посадить картофель для себя. Семейное положение у нас... изменилось: у кого из орочей было две или три жены, отобрали и оставили только по одной... Мы не знаем, правильно поступили с нами или нет, а потому обращаемся к Вам за советом, как к другу и брату орочей» (АФА).

Глубокая любовь к Дальнему Востоку и его населению, всестороннее знание края, явившееся результатом многолетней самоотверженной работы, ярко отразились в публичных лекциях В. К. Арсеньева. В октябре 1928 г. В. К. Арсеньев приехал в Москву, где выступил с несколькими лекциями об Уссурийском крае и об удэяхцах — «лесных людях».

Одновременно в Москве показывали кинофильм «Лесные люди» («Удэ»), который консультировал Владимир Клавдиевич, помогавший также и написать сценарий этой ленты. Вступительное слово В. К. Арсеньева к фильму превратилось в двухчасовую лекцию, захватившую внимание тысячной аудитории. Картина, снятая в таежных глубинах, рисовала жизнь угасавшей народности удэхе, насчитывавшей тогда 1370 человек. Вот ее краткое содержание.

Предстоит появление на свет маленького удэхе. Будущую мать переселяют в отдельную юрту; общение с ней прекращается, лишь женщины приносят ей еду, но в разговоры не вступают. Ребенок рождается, и через два года он не только все еще сосет материнскую грудь, но уже курит понемногу отцовскую трубку. Но вот маленькому удэхе четыре года; он незаменимый помощник на охоте; он прекрасно правит лодкой-долбленкой. Сцены охоты, разделение труда между мужчиной и женщиной, праздники удэяхцев, шаманское камлание, ритуальное торжество съедения медвежьей головы — все это нашло место в фильме и было ярко прокомментировано В. К. Арсеньевым [см. 18, с. 242].

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР послал в Совкино похвальный отзыв о фильме. В отзыве отмечалось, что фильм заслуживает исключительного внимания как первая удачная кинокартина, показавшая быт удэяхцев.

«Безусловная подлинность всех снимков делает фильм ценным не только для просвещения широких масс, но и для специалистов-этнографов» (АФА). Владимир Клавдиевич консультировал также фильмы «По дебрям Уссурийского края», «Тумгу», «Оленные люди»; ему предложили быть редактором фильмов «Ламу» и «Коряки» [27, с. 24; 35, с. 126].

Научные интересы Владимира Клавдиевича не ограничились изучением Дальнего Востока. Одно время В. К. Арсеньев думал перенести свою исследовательскую работу за Полярный круг к эскимосам. В связи с этим друг В. К. Арсеньева врач и этнограф Н. В. Кирилов писал ему в 1913 г.: «Меня трогает, видимо, Ваша непреклонная решимость поехать на Чукотский Север, и я с удовольствием вижу все Ваши заблаговременно обдуманые планы будущей работы. Конечно, энергии для трехлетней работы у Вас хватит... школу Вы прошли чудную. Думаю, что Вы теперь штудируете не только издания Музея Естественной истории в Нью-Йорке, касающиеся Азии, но и по северо-американским инородцам, особенно по Америке» [23, № 2, с. 173].

* * *

Неузнаваемо изменился облик Дальнего Востока и его населения за годы Советской власти. Во многих глухих таежных местах, куда с огромным риском для жизни прокладывал дорогу Владимир Клавдиевич, были заложены поселки и города.

Эти изменения начинались еще на глазах В. К. Арсеньева. Сам путешественник писал Ф. Ф. Аристову: «Когда я впервые прибыл в край, ближайшие окрестности Владивостока были покрыты лесом, в котором водилось множество диких зверей. Тогда не было ни дорог, ни троп, и потому путешествие по тайге сопряжено было с лишениями и даже с опасностями для жизни. Помню, с каким трудом я пробирался на „Лысую гору“ в истоках р. Седанки. Через двадцать восемь лет я снова попал туда и увидел каких-то молодых людей и девиц, приехавших на автомобиле... Все они были веселы, шутили и смеялись. Им и в голову не приходило, что мимо них проходит человек, который с тяжелой котомкой за плечами, в изорванной одежде и с потным лицом впервые проложил сюда путь» [20, с. 142].

В 1930 г. Владимиру Клавдиевичу поручили руководящую должность по изысканиям трассы уссурийской железной дороги, строительство которой было призвано сыграть огромную роль в хозяйственной жизни края. Он возглавил сразу четыре ответственные экспедиции по обследованию таежных районов, тяготеющих к направлениям проектируемых новых железных дорог. Об этом задании Владимир Клавдиевич писал в «Воспоминаниях»: «Думаю, что это будет „моя лебединая песнь“.

Десять маленьких отрядов работают в тайге: инженеры, техники, землемеры, экономисты и лесоводы. В начале 1931 года я должен сдать все отчеты, поблагодарить и распустить своих сотрудников, съездить на Кавказ, в Москву и, пробираясь от города к городу через всю Сибирь, вернуться к пенатам» [20, с. 142].

Эта экспедиция действительно оказалась для В. К. Арсеньева последней. Жизнь замечательного человека, неутомимого путешественника, глубокого исследователя и талантливого писателя, каким был Владимир Клавдиевич Арсеньев, прервалась 4 сентября 1930 г. О подробностях смерти Владимира Клавдиевича его жена М. Н. Арсеньева писала 9 сентября 1930 г. Ф. Ф. Аристову: «Владимир Клавдиевич умер от паралича сердца, последовавшего на третий день после кризиса при крупном воспалении легких, которое он схватил в низовьях Амура во время своей последней экспедиции... Хоронил его весь город, за гробом шли тысячи людей... Я знала, что Владимир Клавдиевич очень популярен и любим многими, но все же я не знала, что у него столько друзей, что его так ценили и уважали все» (АФА).

Огромные заслуги В. К. Арсеньева, снискавшего к тому времени не только всесоюзную, но и мировую известность, были высоко оценены целым рядом научных обществ и учреждений на заседаниях, посвященных его памяти. Одно из них — ученое заседание географического факультета Московского государственного университета и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — состоялось 22 октября 1930 г. С докладами выступили: проф. Ф. Ф. Аристов — «Жизнь В. К. Арсеньева»; проф. С. Г. Григорьев — «В. К. Арсеньев как географ»; проф. В. В. Богданов — «В. К. Арсеньев как этнограф». В заключительной речи проф. А. А. Борзов сказал: «Еще не раз русским географам, этнографам и археологам, да и не одним

В. К. Арсеньев в последние годы жизни

русским, придется возвращаться к трудам Владимира Клавдиевича, но на нас, лично знавших покойного и имевших счастье увлекательного общения с ним, лежит особая обязанность сохранить для наших преемников и учеников самый образ этого чудесного человека, отдавшего всего себя без остатка и без оглядки познанию родной страны и наиболее забытых ее народностей» [18, с. 20].

Широко известны высокие (нередко восторженные) оценки, которые получила деятельность В. К. Арсеньева со стороны ученых коллег. За исключительные заслуги в изучении Дальнего Востока он был избран действительным членом ряда научных обществ: Русского географического общества в Ленинграде и Антропологического общества при Петербургском университете; Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; Русского орнитологического комитета в Москве; Российской Академии истории материальной культуры; Дальневосточного краевого научно-исследовательского института при Дальневосточном университете во Владивостоке; а также почетным членом таких обществ, как: Приморское лесное и Приморская губернская архивная комиссия во Владивостоке; Владивостокский отдел и Дальневосточный краевой отдел¹³ Русского географического общества; Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Общество ориенталистов в Харбине в 1916 г. также избрало его своим почетным членом, а харбинское Общество изучения Маньчжурского края — пожизненным членом; он был также избран действительным членом Национального географического общества в Вашингтоне.

Прекрасную характеристику В. К. Арсеньева — путешественника, исследователя Уссурийского края, ученого и лектора-педагога — дал известный знаток Дальнего Востока проф. Н. В. Кюннер, который в своем отзыве при избрании В. К. Арсеньева профессором писал: «Среди исследователей местного края Владимир Клавдиевич Арсеньев уже давно пользуется широкой и заслуженной репутацией опытного и искусного исследователя и превосходного популяризатора устным и печатным путем собираемого им научного материала... Научная деятельность Владимира Клавдиевича тесно связывается с этим краем почти с самого момента его прибытия сюда в 1900 г., причем район его научных изысканий простирался на весь Уссурийский край до Амура и на Камчатку. Многочисленные лекции, собранные им во время долголетних путешествий во всей этой обширной области, естественноисторические, этнографические и археологические, обогатили столичные и местные музеи и вместе с прочими результатами их доставили ему звание члена и сотрудника многих научных обществ здесь и в сто-

---

¹³ В Хабаровске.

лица и ряд премий и почетных наград... Не менее заслуженной известностью В. К. Арсеньев пользуется и в качестве лектора... Лично я убежден, что выступление В. К. Арсеньева в преподавательский состав факультета явится для факультета весьма существенным приобретением, позволяя организовать достойным образом ряд курсов по краеведению как чисто географического, так и этнографического и археологического содержания не только теоретически, но и практически» [18, с. 240].

Научные заслуги и научное творчество В. К. Арсеньева высоко оценивали и зарубежные ученые, например такие всемирно известные исследователи, как Фритьоф Хансен, Свен Гедин, Георг Швейнфурт, Альфред Вегенер. Его работы переводили и переводят за рубежом. Так, его книги «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923) были сразу же по выходе переведены в Германии и изданы в 1924—1925 гг. с предисловием Фритьофа Хансена под названием «В дебрях Восточной Сибири. Путешествия и исследования в Уссурийском крае» [14]; книга «Китайцы в Уссурийском крае» также была издана в переводе на немецкий [15].

Говоря об этнографических работах В. К. Арсеньева, необходимо отметить, что его исследования и собранные им материалы отличаются скрупулезной документальностью, что обеспечивает их непреходящую научную ценность. Ценность материалов В. К. Арсеньева определяется в настоящее время и тем, что он собирал их в тот период, когда традиционная культура аборигенных дальневосточных народов еще в значительной мере сохранялась, являя собой единый комплекс из примитивных форм материальной культуры (жилище, орудия труда и т. д.), социальной (различные обряды в сфере семейного и общественного быта) и духовной (анимизм, шаманство). В трудах В. К. Арсеньева этнограф находит материал, объясняющий роль и место многих пережиточных явлений, сохранившихся в традиционной культуре малых народов Дальнего Востока.

Но научное значение его трудов значительно шире. Специалисты по первобытной истории и проблемам развития человеческой культуры черпают в работах В. К. Арсеньева большой материал, отражающий отдельные и зачастую далекие стадии развития человечества, например описание отдельных обрядов, связанных с тотемистическими и анимистическими представлениями и др. Этнограф-теоретик, занимаясь проблемами развития культуры и быта народов в широком плане, может найти в трудах В. К. Арсеньева отправные точки, моменты, от которых можно проследить трансформацию традиционной культуры народов отдельного региона в процессе социалистического переустройства жизни. Изучаемые этнографами процессы изменения быта народов под влиянием промышленного освоения края и связанной с ним урбанизации могут быть исследованы лишь при точном знании состояния культуры и быта народов Дальне-

го Востока в конце XIX — начале XX в., столь документально зафиксированном В. К. Арсеньевым.

В связи с тем что в настоящее время, после коренных социалистических преобразований культуры и быта народов Дальнего Востока, для этнографов сохранился лишь материал, отражающий отдельные элементы традиционной культуры (например, в народном искусстве, в одежде и др.), научная значимость этнографических исследований В. К. Арсеньева особенно возрастает.

В. К. Арсеньев не только посвятил свою жизнь изучению Дальнего Востока и народов, его населяющих, но и бескорыстно и с полной отдачей сил стремился помочь этим народам, содействуя их приобщению к культуре, а после революции — и к советскому строительству.

В 1972 г. в связи со столетием со дня рождения В. К. Арсеньева по решению Советского правительства было проведено всесоюзное празднование этой даты. В г. Арсеньеве (б. село Семеновка) открыт памятник выдающемуся путешественнику и исследователю и его верному спутнику в скитаниях по тайге Дерсу Узала. Широко отметила эту дату советская общественность¹⁴. После 1972 г. были опубликованы неизвестные до того письма и документы В. К. Арсеньева, напечатаны новые исследования о нем, которые открыли нам новые страницы замечательной жизни этого замечательного человека.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Федор Федорович Аристов — профессор Московского университета, славист и востоковед, был большим другом и первым биографом В. К. Арсеньева. Помимо цитируемой нами печатной биографии Ф. Ф. Аристов подготовил монографию о В. К. Арсеньеве на основе неизданных источников, в том числе «Воспоминаний», написанных В. К. Арсеньевым специально по просьбе Ф. Ф. Аристова, а также на основе обширной переписки путешественника, в том числе и с самим Федором Федоровичем, его семейного архива, часть которого была передана в распоряжение Ф. Ф. Аристова. «Воспоминания» В. К. Арсеньева, как и монография Ф. Ф. Аристова о В. К. Арсеньеве, опубликованы не были.

Остановимся несколько подробнее на взаимоотношениях обоих ученых и на личности самого Ф. Ф. Аристова.

О личном знакомстве с ним и о своем глубоком уважении к нему В. К. Арсеньев писал: «Я не могу не вспомнить профессора Ф. Ф. Аристова. В газете „Известия“... появилась его рецензия на мою книгу, после кото-

---

¹⁴ См. Приложение 3, статью Н. И. Гаген-Торн [125], а также «Перечень названий городов, населенных пунктов... [и т. д.], посвященных В. К. Арсеньеву» в настоящей книге (с. 91—92).

рой она стала быстро раскупаться». В знак глубокой признательности за публикацию рецензии на книгу «В дебрях Уссурийского края» В. К. Арсеньев послал автору отзыва письмо следующего содержания¹⁵:

Многоуважаемый профессор!

Я только что возвратился из экспедиции и на столе у себя нашел № 223 (2856) «Известий ВЦИКа» от 30/9 сего 1926 г., где напечатан был Ваш отзыв о моей книге «В дебрях Уссурийского края». Покорно благодарю за этот отзыв. Он весьма способствовал распространению моей книги. После него в «Книжное дело» г. Владивостока стали поступать многочисленные запросы из разных частей Союза ССР. Как знак признательности и уважения к Вам не откажите принять от меня авторские экземпляры первого издания «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», напечатанные в 1921 и 1923 гг. Обе эти книги гораздо полнее, хотя значительно хуже, чем «В дебрях Уссурийского края», которая, по существу, есть переработанное и сокращенное издание первых двух.

При этом посылаю также несколько своих брошюр, напечатанных во Владивостоке за годы революции.

Примите мои уверения в искреннем к Вам уважении

В. Арсеньев.

Впоследствии В. К. Арсеньев не раз с благодарностью отзывался о своем друге. «Когда я был в Москве...— писал он однажды,— меня посетил человек среднего роста, средних лет, чрезвычайно милый и воспитанный. Есть люди, которые как-то особенно и сразу запечатлеваются в памяти: их фигура, выражение глаз, манера говорить и т. д. ... Профессор Ф. Ф. Аристов — высоко и всесторонне образованный человек... Точность, систематичность и планомерность во всем образцовые... Это ценный и глубоко оригинальный ученый» (АФА). В другой раз он писал: «Проф. Ф. Ф. Аристов много труда затратил на популяризацию моих научных достижений по исследованию Уссурийского края и очень внимательно и во всех отношениях точно описал мою жизнь и деятельность. Помимо этого Федор Федорович убедил меня приступить к изданию полного собрания моих сочинений в Москве и любезно взял на себя все дела с издательством по чтению научно-ответственной (авторской) корректуры, подбору и размещению рисунков, составлению указателей и разного рода примечаний, чем избавил меня от множества редакционно-издательских хлопот. За это бескорыстное, дружеское содействие я считаю своим приятным долгом принести дорогому и глубокоуважаемому Федору Федоровичу свою сердечную, самую искреннюю благодарность» (АФА).

Искренняя дружба В. К. Арсеньева и Ф. Ф. Аристова была основана на глубоко принципиальном, бескомпромиссном отношении к науке, готовности ради ее интересов поступиться внешней славой и материальной выгодой, на горячем желании служить обществу.

¹⁵ Текст письма приводим по работе Ф. Ф. Аристова [18, с. 241—242].

В статье Б. П. Полевого и А. М. Решетова «В. К. Арсеньев как этнограф» («Советская этнография». 1972, № 4) взаимоотношения двух крупных исследователей и их роль в науке поданы в некоторых случаях в неверном свете. К примеру, авторы пишут, что благодаря помощи Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньев «смог преодолеть узость и опасную самоуверенность провинциального мышления, стать ученым с мировым именем» [31, с. 87]. Такая оценка В. К. Арсеньева, ученого, прославленного во многих областях русской и советской науки, уже со времени выхода первых его работ признанного у нас и за рубежом авторитета в изучении Дальнего Востока, неправомерна. В. К. Арсеньев как этнограф показан авторами несколько односторонне, тем более в основном на архивных материалах только МАЭ и Ленинградского отделения Архива АН СССР, а ведь о В. К. Арсеньеве как об этнографе существует немало документов и вне этих архивов и учреждений.

Л. Я. Штернберг — крупный ученый-этнограф; он высоко ценил В. К. Арсеньева и охотно помогал ему, выступал одним из консультантов некоторых работ В. К. Арсеньева, как это и принято в научных кругах. Работы В. К. Арсеньева также неоднократно консультировали С. Ф. Ольденбург, В. Л. Комаров, Ю. М. Шокальский, С. А. Бутурлин, П. В. Шкуркин и очень многие другие ученые и специалисты в самых разных областях, к которым В. К. Арсеньев обращался и которым постоянно был благодарен. Так, в предисловии к книге «По Уссурийскому краю» (Владивосток, 1921) В. К. Арсеньев писал: «Не владея китайским языком *в такой степени, чтобы разбираться в иероглифах* (курсив мой.— С. Ф.), я обратился к ориенталисту П. В. Шкуркину... с просьбой транскрибировать китайские названия, записанные землемерами, военными топографами, различными исследователями и мной во время путешествий. Благодарю П. В. Шкуркина за услугу» [12, с. II]. Подобного рода высказываний В. К. Арсеньева с выражением благодарности многим ученым можно привести немало. Большую роль в научной деятельности В. К. Арсеньева сыграл заведующий Этнографическим отделом Русского музея С. И. Руденко, по заданию которого В. К. Арсеньев выполнял огромную работу в составлении этнографических карт Дальнего Востока (о чем в статье, кстати, не упомянуто), и др.

Б. П. Полевой и А. М. Решетов приводят в своей статье острокритические высказывания Л. Я. Штернберга о В. К. Арсеньеве, ссылаясь на воспоминания самого Владимира Клавдиевича в его докладе, посвященном памяти Л. Я. Штернберга. Но, *во-первых*, это некролог — жанр (!), который не только позволяет, но и требует подчеркивания заслуг покойного при известном самоуничижении говорящего. *Во-вторых*, в те годы В. К. Арсеньеву приходилось отбиваться от людей, пытавшихся опорочить его ссылками на то, что он — офицер армии царской России, проводник «великодержавного шовинизма» и т. п. На эти обстоятельства специально обращает внимание В. Г. Пызырев [32, с. 189—191], И. Кузьмичев [29, с. 226—228] и другие авторы (см., например, настоящую книгу, с. 49—50). Поэтому ему необходима была опора на крупные ученые авторитеты. *В-третьих*, существует достаточно свидетельств о самой высокой оценке Л. Я. Штернбергом трудов В. К. Арсеньева, на фоне которых только и должно рассматривать его критические замечания.

Авторы не видят, что подобные высказывания, хотя бы и принадлежавшие самому Владимиру Клавдиевичу, находятся в вопиющем противоречии с ролью В. К. Арсеньева в мировой науке, с оценкой этой роли, данной выдающимися учеными, путешественниками, писателями. Более того, они находятся в противоречии с тем, что неоднократно говорил и писал сам Л. Я. Штернберг. В 1925 г. он писал В. К. Арсеньеву: «Ваша книга взволновала меня. Она воскресила в моей памяти то прошлое, когда я, будучи молодым, впервые начал свои работы по этнографии и имел непосредственное общение с туземцами. Последнее время Вы мало (? — см. перечень работ Арсеньева за 1924—1925 гг.— *Отв. ред.*) пишете по этнографии, но и то, что Вы сообщаете, представляет из себя настоящие шедевры» (курсив мой. — С. Ф.) [11, с. 104; см. также 31, с. 79, 82, 84].

Приложение 3

Советская общественность горячо и единодушно откликнулась на знаменательную дату — 100 лет со дня рождения великого русского исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Свое глубокое уважение к памяти В. К. Арсеньева отметили центральные газеты:

Ю. Макеев. Край преображенный. Репортаж из города Арсеньева. — «Правда», 10.IX.1972.

Т. Аристова. Певец Дальнего Востока. — «Известия», 9.IX.1972.

Я. Голованов. Владимир Арсеньев. Сквозь тайгу. — «Комсомольская правда», 10.IX.1972.

Макс Поляновский. Арсеньев в моей памяти. — «Советская культура», 9.IX.1972.

Т. Аристова. Зов Сибири [публикация документов]. — «Литературная газета», 6.IX.1972.

Она же. В. К. Арсеньев вспоминает. — «Неделя», № 36, 4—10 сентября 1972 г., с. 14.

Немало теплых строк посвятили В. К. Арсеньеву также и другие газеты:

А. Корчевой. Ученый, литератор, патриот. — «Красное знамя». Владивосток, 10.IX.1972.

Н. В. Усенко. На кафедре — В. К. Арсеньев. — «Тихоокеанская звезда». Хабаровск, 16.IX.1972.

Воспоминания о встречах с автором книги «Дерсу Узала» поместила «Курортная газета». Ялта, 5.X.1972.

Серия важных статей и публикаций источников появилась в журналах. Отметим лишь основные:

Т. Ф. Аристова. Арсеньев и советский Дальний Восток. — «Вопросы истории». 1972, № 8.

Она же. В. К. Арсеньев о значении современных ему исследований по славяноведению. — «Советское славяноведение». 1972, № 6.

Кроме того, она опубликовала статью «Землепроходец, следопыт, писатель» в журнале «Турист». М., 1972, № 8.

Л. К. Д о в б ы ш. Следопыт Дальнего Востока.— «Природа». 1972, № 9.

Н. Е. К а б а н о в. Исследователь природы и населения Дальнего Востока (К 100-летию со дня рождения В. К. Арсеньева).— «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия биологических наук. Вып. 2. Новосибирск, 1972, № 10.

А. И. М е л ь ч и н. В. К. Арсеньев (к 100-летию со дня рождения).— «Среднее и специальное образование». М., 1972, № 8.

Б. П. Полевой и А. М. Решетов [31].

Публикацию путевых дневников и записных книжек В. К. Арсеньева осуществили Л. И. и Ю. А. Сем [6; 33].

А. И. Т а р а с о в а. Исследователь и певец земли дальневосточной.— «Земля и люди». М., 1972.

Она же. Письма В. К. Арсеньева секретарю Этнографической секции Тихоокеанского комитета.— «Сибирские огни». Новосибирск. 1972, № 9.

Широко отметило юбилей В. К. Арсеньева Географическое общество СССР: во Владивостоке, Хабаровске, Ленинграде, Москве и других городах были прочитаны многочисленные доклады как лицами, непосредственно знавшими В. К. Арсеньева, так и учеными — специалистами по Дальнему Востоку.

Довольно полную сводку юбилейных мероприятий и изданий сделала Н. И. Гаген-Торн [25].

После 1972 г. появились новые публикации, особенно на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Произведения В. К. Арсеньева¹⁶

1. В горах Сихотэ-Алиня. М., 1937.
2. В делях Уссурийского края. Владивосток, 1926.
3. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток, 1923.
4. Жизнь и приключения в тайге. [Вступит. ст., подготовка текста и примеч. М. К. Азадовского. Под общей редакцией С. В. Обручева.]. М., 1957.
5. Зов Сибири [Публикация Т. Ф. Аристовой].— «Литературная газета», 6.IX.1972, № 36, с. 5.
6. Из путевых дневников [Публикация и предисловие Л. И. и Ю. А. Сем].— «Дальний Восток». Хабаровск, 1972, № 8, 9.
7. Китайцы в Уссурийском крае. 1900—1908 гг. (Читано в заседании Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 25 февраля 1911 г.).— ИРГО. Т. XVIII. Вып. 6. 1912, с. 395—443.
8. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914.
9. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. Хабаровск, 1912.
10. Лесные люди — удэхейцы. Владивосток, 1926.
11. Памяти Льва Яковлевича Штернберга.— «Записки Приморского филиала Географического общества СССР». Т. XXV. 1966, с. 103—106.
12. По Уссурийскому краю. Владивосток, 1921.

¹⁶ Даны в алфавите названий.

13. Сквозь тайгу. Путевой дневник экспедиции по маршруту от Советской Гавани к городу Хабаровску. М.—Л., 1930.
14. Arseniew W. K. In der Wildnis Ostsibiriens. Forschungsreisen in Ussurigebiet. Geleitwort von Fritijof Nansen. B. 1—2. Mit 155 Abbild u. 6 Karten. B., 1924—1925.
15. Arseniew W. K. Russen und Chinesen in Ostsibirien. Mit 103 Abbild. u. 1 Karte. B., 1926.

II. Работы о В. К. Арсеньеве

16. Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. — В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, с. 7—72 (есть отдельное издание. Чита, 1955).
17. Антропова В. В., Таксами Ч. М. Коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР по народам Тихоокеанского побережья СССР.— Страны и народы Востока. Вып. VI. Страны и народы бассейна Тихого океана. М., 1968.
18. Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский).— «Землеведение». Т. XXXII. Вып. III—IV. М., 1930, с. 208—243.
19. Аристов Ф. Ф. [Рец. на кн.:] В. К. Арсеньев. В делях Уссурийского края.— «Известия», 30.IX.1926.
20. Аристова Т. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев.— «Советская этнография». 1963, № 1.
21. Аристова Т. Зов Сибири.— «Литературная газета», 6.IX.1972.
22. Богданов В. В. [Рец. на кн.:] В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском крае.— Этнографическое обозрение. М., 1915, № 1—2.
23. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Документы к биографии). Подготовили к печати В. Г. Виноградов, С. Ш. Бурнатная.— «Дальний Восток». 1961, № 1, 2.
24. Воробьев М. В. О месте В. К. Арсеньева в этнографии (по поводу одной юбилейной статьи).— «Известия Всесоюзного Географического общества». Т. 105. Вып. 6, 1973.
25. Гаген-Торн Н. И. К столетию со дня рождения В. К. Арсеньева.— «Советская этнография». 1973, № 2.
26. Горький А. М. Письмо В. К. Арсеньеву 24 января 1928 г.— Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1955.
27. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев — путешественник и натуралист, 1872—1930. М., 1947.
- 27а. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев.— В делях Уссурийского края. Владивосток, 1926.
28. Комаров В. Л. [Рец. на кн.:] В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю; он же. Дерсу Узала.— ИРГО. Т. VI. Вып. 2, 1925.
29. Кузьмичев И. Писатель Арсеньев. Личность и книги. Л., 1977.
30. Нансен Фритьоф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915.
31. Полевой Б. П., Решетов А. М. В. К. Арсеньев как этнограф.— «Советская этнография». 1972, № 4.
32. Пузырев В. Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (20-е годы).— «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института». Т. XXV. Вып. 3, 1969.
33. Сем Л. И., Сем Ю. А. О «путевых дневниках» и «записных книжках» В. К. Арсеньева.— «Дальний Восток». 1972, № 8.
34. Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет.— 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Сборник Музея антропологии и этнографии. XXII). М.—Л., 1964.
35. Тарасова (Васина) А. И. Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VI («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Новая серия. Т. 102). М., 1974.